

Евстафьев Дмитрий Геннадиевич — кандидат политических наук, профессор департамента интегрированных коммуникаций факультета коммуникаций медиа и дизайна ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет „Высшая школа экономики“».

E-mail: devstafiev@hse.ru

ORCID: 0000-0002-6276-0342

Dmitrii G. Evstafiev — HSE University.

Предхаос как среднесрочное состояние глобальной политики и экономики

Сложившееся в современном мире неустойчивое равновесие между сохраняющимися актуальность элементами поздней глобализации и процессами регионализации мировой экономики и, как следствие, политики создаст специфическое операционное пространство для крупнейших государств. Отсутствие понимания «магистрального» направления развития экономики стимулирует появление сомнений в адекватности социальной модели, которую предлагал инвестиционный (спекулятивный) капитализм. Системный кризис современного капитализма перестает быть «фигурой умолчания», а регионализация и диверсификация управления экономическими процессами — исключенной опцией [1].

Нынешнюю ситуацию в мире можно охарактеризовать как попытку США найти оптимальную

модель торможения процессов формирования постмонополярного мира и геоэкономической регионализации в условиях неясности формата будущей консолидации системы международных экономических отношений. Вероятно, и предвыборную борьбу между различными группами элиты целесообразно рассматривать как часть конкуренции между наиболее влиятельными лоббистскими группами в США по поводу форм и методов сохранения глобального доминирования.

Проблема в том, что и методологически, и аналитически ситуация, сложившаяся сейчас в мире, не может быть описана ни в терминах экономического развития, ни с точки зрения политико-институционального анализа. Мы имеем дело со сложной гибридной сущностью, в рамках которой политические и условно «идеологические»

УДК: 338.124.4

DOI: 10.33917/es-1.175.2021.22-29

Современный мир характеризуется торможением важнейших процессов экономического и политико-институционального развития на фоне расширения возможностей геоэкономического противоборства, включая использование методов политического и экономического давления на страны-конкуренты. Возникающее состояние можно охарактеризовать как предхаос, то есть торможение важнейших геоэкономических (включая инвестиционные) и политических процессов в ожидании масштабной турбулентности с использованием политико-силовых методов. США заинтересованы в максимальной пролонгации нынешнего состояния, так как стремятся выиграть время с целью консолидации элиты и социальной стабилизации общества. Но длительное пребывание мировой экономики в этом состоянии, которое, в частности, выражается в отказе от принятия долгосрочных экономических, в том числе инвестиционных, решений, лишь усугубляет остроту возможного будущего кризиса и обуславливает разрушение критических узлов глобальной экономической взаимозависимости.

Ключевые слова

Глобальные трансформации, глобальный экономический кризис, инвестиции, геоэкономика, экономическая взаимозависимость.

➤ ➤ Системный кризис современного капитализма перестает быть «фигурой умолчания», а регионализация и диверсификация управления экономическими процессами — исключенной опцией.

факторы, определяющие поведение доминирующих групп интересов, могут оказаться ситуативно неотделимыми от экономических интересов. Безусловно, мы вступаем в период скрытой дезэкономизации принимаемых решений, хотя внешне ситуация складывается в рамках именно экономической целесообразности.

Исходная гипотеза, как представляется, описывающая главное противоречие современного мира, может быть сформулирована следующим образом.

«Беспольярный» мир, то есть мир, в котором искусственно тормозятся процессы новой консолидации геоэкономического и, как результат, геополитического пространства, сам по себе является исключительно неустойчивой системой. Для ее поддержания требуется выход за рамки инструментов политического управления. Это будет объективно способствовать росту значения неэкономических методов в глобальной политике, а с учетом современной ситуации в мире — методов гибридной войны против потенциальных центров экономической консоли-

Prechaos as a Mid-Term State of Global Policy and Economics

The contemporary world is characterized with slowdown of key processes of global institutional development at the background of instrumental capabilities for geo-economic competition that could now include the methods of political and economic pressure upon competitors. Such a state of affairs could be called «a pre-chaos» that means the backpedaling major developments in the global geoeconomics (including the investment ones) as well as the political one while waiting for the massive turbulence that could include application of force.

The USA are interested in maximum prolongation of the pre-chaos state in order to buy time to consolidate the elite and stabilize the society socially. But the prolonged existence of world economy within the frame of pre-chaos model that among other things results in avoiding the longer-term economic decisions including investment-related ones, only increases the destructive potential of future crisis with the destruction of the vital elements of the system of global economic interdependence.

Keywords

Global transformations, global economic crisis, investments, geoeconomics, economic interdependence.

дации в современном мире, даже если они являются формальными союзниками США.

Все эти действия свидетельствуют о попытках США, главного бенефициара глобализации в прежнем формате, сдержать процессы формирования новых центров экономической консолидации и роста с использованием инструментов, выходящих за рамки экономической взаимозависимости и «мягкой силы», а в ряде случаев разрушающих эффективность этого инструментария. Такая политика проводится на фоне и относительного, и абсолютного ослабления США как мирового гегемона, но сохранения статуса Америки как единственного в современном мире центра, способного осуществлять по-настоящему глобальное проектирование силы, но уже не политическое влияние.

Для корректного описания и анализа складывающейся в мире геоэкономической ситуации предлагается ввести понятие «предхаос», под которым понимается состояние ожидания глубокой перестройки экономической структуры мира, приводящее к отказу от долгосрочных значимых экономических действий и концентрации на краткосрочных. Это автоматически повышает уровень политизированности текущей деятельности наиболее влиятельных государств. С одной стороны, подобная сознательная политика выступает в качестве продолжения стратегии не прямых действий [2], во многом основанной на минимизации собственно силового воздействия на противника, но одновременно она является развитием так называемой периферийной стратегии применительно к ситуации диспропорционального развития информационного общества. Оба этих подхода характерны для классических «атлантических» элит «коллективного Запада», которые возвращаются к доминированию в результате выборов в США в 2020 г. и, вероятно, будут положены в основу средне- и долгосрочного поведения американских элит.

Предхаос как среднесрочная реальность

Складывающаяся в современном мире ситуация можно было бы охарактеризовать как среднесрочную политическую, экономическую и военно-силовую неустойчивость на фоне торможения большинства общемировых процессов и кризиса мировых политических и экономических институтов. Это состояние отражает тот факт, что развитые страны не готовы осуществлять структурные изменения, выходящие за рамки системы геоэкономической взаимозависимости, брать на себя риски разрыва ключевых системных экономических и социальных связей и платить за это определенную «цену». Такое положение вещей обуславливает ситуативность принимаемых решений и инерционность политики, но расширяет арсенал средств межгосударственного противоборства. Политика ключевых государств мира и поведение крупнейших корпоративных структур определяется ожиданием существенного ухудшения экономической ситуации и обострения военно-силовых рисков вплоть до хаотизации важнейших в геоэкономическом плане регионов. Иными словами, большинство крупных игроков в системе международных экономических и политических отношений строят свою деятельность исходя из неизбежности системного экономического кризиса. Поэтому представляется вполне возможным ввести понятие «предхаос» как интегрированную характеристику нынешнего подхода к построению экономических и политических отношений.

В общем виде предхаос можно было бы определить так.

Состояние неустойчивого замораживания общемировых трансформаций, обеспечиваемое прямым политическим и военно-силовым давлением на потенциально конкурирующих игроков. Проявляется в инерционном сохранении прежних моделей поведения во внешней политике на фоне разрушения большинства глобально значимых институтов и внешнеполитических ограничений, но с нарастающим сокращением горизонта планирования у политических элит в силу усиления операционной неадекватности поддерживаемых моделей реальной ситуации.

Предхаос методологически системно предшествует «беспорядку», фактически является его первой фазой, характеризующейся распадом институционального пространства и размыванием большинства ограничений на использование методов политики условно «мирного времени»; он размывает само это понятие [3] и создает эффект перехода холодной войны в «теплую». Рассматриваемое состояние можно охарактеризовать как концентрацию ресурсов и консолидацию внутренних возможностей государства и общества накануне периода активных трансформаций в относительно «расчищенном» геополитическом пространстве.

В состоянии предхаоса (с учетом особенностей развития экономики, технологий, средств коммуникаций) мир находился с 1908 по 1914 г. перед началом Первой мировой войны, с 1944 по 1949 г. перед полномасштабным развертыванием системы «сдерживания» Советского Союза и холодной войны и с 1998 по 2000 г. перед началом силовой трансформации Ближнего Востока, отражавшей неспособность США поддерживать режим монополярности только политико-институциональными средствами. В последнем случае состояние реализовывалось в условиях относительно зрелой геоэкономической взаимозависимости и постепенного перехода к информационно-инвестиционному капитализму, но при сохранении целого ряда ограничителей, создававших иллюзию наличия неких «правил игры», хотя и построенных исходя из геоэкономической сегрегации: для стран с «рыночной» экономикой — одни правила, для стран с «переходной» экономикой — другие, для «экономически несвободных» — третьи. Последняя категория также оставалась частью системы, пусть и специфической.

Как результат, крупнейшие государства мира сконцентрированы на отработке текущей, краткосрочной «повестки дня» и симптоматическом купировании возникающих рисков. А это, в свою очередь, повышает востребованность специфических инструментов внешней политики, предоставляющих возможность добиваться политических целей при минимизации прямого соприкосновения с конкурентом/противником. Естественным результатом такого развития ситуации становится повышение значимости гибридных методов политики, основанных на сопряжении информационно-политических манипуляций на фоне кризиса системы политической и экономической взаимозависимости и «мягкой силы» в классической ее трактовке [4]. Для решения задач благоприятного перестраивания пространства требуются существенно более интрузивные и системные методы воздействия на оппонента.

Стоит, впрочем, отметить несколько важных условно «внутрисистемных» свойств описываемого состояния.

Описываемая модель построена на постепенном выхолащивании понятия «экономическое развитие» (она отражает согласие основных игроков с системой «распределения экономических ролей»), но сохранении «локальных» противоречий, которые могут разрешаться с использованием сравнительно жестких методов за пределами «обычного» экономического права. Это состояние отражает когнитивность современной экономики, ее суть как экономики ожиданий и ощущений. Такая когнитивность, ориентирующая большинство экономических акторов на краткосрочную реактивность поведения, усугубляется чрезмерным доминированием в современном экономи-

➤ **Объективно формируется запрос на контрэлиты, обладающие доступом к «альтернативным» источникам извлечения ренты, что само по себе является фактором, подрывающим устойчивость системы предхаоса.**

ческом пространстве информационных технологий и превращением информационного общества из сервисного в системообразующий элемент.

В состоянии предхаоса происходит резкий рост манипулятивности в политике и особенно в экономике, фактически фейковизация экономических процессов (и экономической статистики) становится допустимым методом экономической конкуренции [5]. Это состояние не только мировой экономики, но и общественных отношений, отражает стремление глобалистской части американской элиты к окончательному отрыву операционной реальности от информационной и к переходу к информационно-политическим манипуляциям в пространстве виртуализированной политико-экономической реальности. Риск заключается в том, что *современные информационные технологии уже сейчас обусловили возникновение беспрецедентно широкой «серой зоны» экономико-политической конкуренции*. Вопрос о том, в какой момент может произойти переход от «серой зоны» к «теплой войне» — это фактор неопределенности, влияющий как на экономические, так и на политические решения¹.

Предхаос обозначает объективную потребность в смене элит крупнейших государств, что субъективно осознается, но отсутствует субъективная способность элит обеспечить эволюционное обновление правящего слоя на основе разумного перераспределения извлекаемой административной и ресурсной ренты. Неспособность элит к переконфигурированию подкрепляется их вписанностью в мировые экономические цепочки. *Это объективно формирует запрос на контрэлиты, обладающие доступом к «альтернативным» источникам извлечения ренты, что само по себе является фактором, подрывающим устойчивость системы предхаоса.*

Контрсистемность на уровне больших систем (как государств и их коалиций, так и крупнейших сетевизированных негосударственных транснациональных экономических и социальных систем) становится допустимой и даже эффективной, поскольку для стран и коалиций стран, стремящихся сохранить состояние предхаоса в среднесрочной перспективе, формирует иллюзию возможно-

сти бесконечной «игры с ненулевой суммой» [7], при которой для сохранения комфортного состояния элиты можно пойти на значительные уступки в частности. Этим, например, объясняется попытка гибкого поведения большинства стран «коллективного Запада» по отношению к политике Турции.

Состояние предхаоса необходимо оценить не как ситуацию отложенной конкуренции, что ошибочно и с методологической, и с операционной точки зрения, а как измененную форму конкуренции, локализованную по кажущимся безопасным направлениям, но меняющую это пространство и создающую по мере накопления изменений больший потенциал для эскалации. Например, локальная конфронтация России и коллективного Запада по поводу Крыма, казавшаяся безопасной с геоэкономической точки зрения, привела к изменению и политической, и геоэкономической ситуации в Европе в целом. Конкурентная борьба США с использованием элементов санкционной политики против доминирования России на европейском газовом рынке привела к кардинальному изменению характера общемировой энергетической политики и резкому повышению уровня политизированности. Более того, она создала ранее не существовавшие энергетические риски для европейской энергобезопасности.

Мы наблюдаем и качественное (допустимые инструменты воздействия на конкурента), и секторальное (сферы экономики, где допустима конкуренция в рамках модели «теплой войны»), и пространственное (регионы, «доступные» для конкуренции третьих стран) расширение возможностей геоэкономической конкуренции. Едва ли мы сейчас можем говорить о существовании пространства геоэкономической конкуренции в прежнем понимании — как пространства управляемой более или менее общими правилами конкуренции экономических систем, национальных или глобализированных (как экономика «трансграничных США») с точки зрения их эффективности.

Подобные процессы существенно повышают риски возникновения и последующей эскалации вооруженных конфликтов, возможно, даже без четко понимаемой их политической и геополитической цели. В существующих условиях несилевой переход к геополитической многополярности выглядит в высшей степени маловероятным. Главный вопрос состоит в том, насколько удастся удерживать военно-силовые действия ниже уровня конвенциональной войны, пусть даже необъявленной, то есть в границах информационно-политических манипуляций, дополненных специальными операциями и использованием киберударных инструментов. Сможет ли геоэкономическая взаимозависимость, породившая рассматриваемую систему, играть роль фактора сдерживания в эскалации подобной гибридной конкуренции.

Предхаос как предельная точка развития системы взаимозависимости

Можно сформулировать следующую важнейшую дилемму. С одной стороны, состояние предхаоса усиливает «миросистемность» политики и экономики²: оценка экономических и политических процессов, выходящих за рамки одной страны, невозможность рассматривать происходящие процессы и события только с одной стороны, с позиций лишь одной отрасли или сферы человеческой деятельности (например, классической экономики). Это естественное следствие доведения в рамках когнитивно-инвестиционного капитализма политико-экономической взаимозависимости до предельного состояния, превращения взаимозависимости в фактор, сдерживающий развитие. С другой стороны, предхаос обостряет ощущение непредсказуемости результата почти любого действия политического или экономического характера, резко ограничивая возможности достижения внутристранового консенсуса в пользу изменений. Кардинальные изменения в политике важнейших стран могут быть связаны только с принятием относительного авторитарного (волевого) политического решения, которое станет результатом накопления эффекта «тутика развития», что может быть характерно только для стран, стремящихся изменить свое положение в мире и ощущающих недостаток инструментов влияния и воздействия на своих конкурентов и партнеров.

Состояние предхаоса выглядит следующим образом: с одной стороны, оно отражает относительную эффективность и действенность экономической взаимозависимости, побуждающей страны с развитыми экономическими системами искать наиболее щадящие способы конкурентной борьбы и трансформации мировой экономики и региональных экономических систем. Для стран с менее развитой экономикой, особенно с более низким уровнем социального стандарта и стандарта потребления, с меньшей встроенностью в экономические и потребительские цепочки, построенные по принципу мирового разделения труда, расширяются возможности конкуренции даже с более сильным противником. С другой стороны, продолжительное пребывание мировой экономики и ряда региональных экономик в состоянии предхаоса, которое в том числе характеризуется отсутствием не только ресурсов, но и воли для принятия решений о реформатировании геоэкономического пространства, расширяет возможность принятия политических решений, лишь ограниченно основанных на экономическом анализе. По мере пролонгации предхаоса, изначально — гибридной политико-экономической сущности, нарастает значение политических факторов принятия решений.

Как результат, длительное пребывание в состоянии предхаоса вряд ли возможно, поскольку неиз-

бежно возникают самоподдерживающиеся «точки разрыва» геоэкономической взаимозависимости. Назовем подобные «точки разрыва», очевидные уже сегодня.

Неопределенность, невозможность долгосрочного планирования ни в политике, ни в экономике. Это в первую очередь сказывается на инвестиционной деятельности, но также и на развитии ряда специфических отраслей (например, ВПК). Технологический рывок оказывается связанным с выходом за рамки традиционных моделей просчета инвестиционной рентабельности новых технологий³. Иными словами, состояние предхаоса принципиально нивелирует возможность *начала в той или иной стране или на уровне региональных коалиций полноценного технологического рывка с масштабной национализацией критических технологических звеньев и означает подготовку к выходу за рамки модели*⁴.

Возобновление конкуренции иерархических систем (государств) и сетевизированных структур, хотя, казалось, сетевики откатились назад. Предхаос и созданная им неопределенность развития дали сетевизированным политическим структурам новое пространство для маневра, не говоря уже о ТНК, оказавшихся ситуативно свободными от целого ряда специфических ограничений политического и правового характера. *Главным фактором, определяющим особенности поведения элит коллективного Запада в политической и особенно в экономической сфере, будет борьба транснациональных экономических и политических структур за окончательное подчинение себе ресурсов (прежде всего военно-политических, но также и гуманитарно-политических) США.* Это означает неопределенность относительно «фокусного» направления экономического развития, а также базовых экономических «правил игры» на среднесрочную перспективу.

Недоверие на всех уровнях мировой политики, качественная деградация международных политических коммуникаций, что кардинальным образом сужает возможность операционно значимых взаимных договоренностей. С политической точки зрения мы сталкиваемся с ситуацией неуверенности в преемственности политики, что, например, в полной мере проявилось в ходе недавней выборной кампании в США. Но это означает политическую незащищенность инвестиционной деятельности даже вне вопроса о неконтролируемой масштабируемости санкционной политики. В частности, одним из очевидных факторов недоверия в среднесрочной перспективе становится вопрос о масштабах и механизме взимания «экологической дани»⁵.

Ожидание экономического кризиса обуславливает необходимость экономии средств в услови-

ях, когда социальная ситуация в ряде крупнейших стран диктует необходимость расширения социальных расходов. С учетом параллельного перехода и в военно-политическом планировании на «наихудший сценарий» это создает условия для глубочайшего кризиса инвестиций, когда инвестиции будут выделяться только под проекты с минимальным сроком окупаемости (что однозначно сфокусирует их на рынке финансовых спекуляций) и с максимизированными «осязаемыми» гарантиями (что приведет к свертыванию венчурного инвестирования).

Деинституционализация системы международных отношений. Нет потребности в институтах. Разрушение институтов в сфере военно-стратегических отношений носит сознательный характер, отражая неопределенность «поля конкуренции». Основной формой межгосударственного взаимодействия в состоянии предхаоса объективно становятся двусторонние договоренности, в том числе выходящие за рамки ранее достигнутых международных соглашений и режимов (на этом была построена политика «хороших сделок» Дональда Трампа). Это было бы вполне допустимой формой поддержания относительной мировой стабильности, хотя и нацеленной на краткосрочный результат, если бы не происходящее в связи с этим сокращение «пространства правовой прецедентности». А прецедентность в сфере экономического и политико-экономического регулирования была в действительности одной из наиболее важных основ глобализации в недавней версии. Это открывает возможность воссоздания «пространства прецедентности» на коалиционном (региональном) уровне.

➤ Проблема в том, что состояние предхаоса становится все менее и менее управляемым.

➤ Для России принципиально важной в имеющихся условиях становится консолидация внутреннего экономического пространства и ликвидация внутренних уязвимостей, разрывов экономического суверенитета внутри самой страны.

«Точки разрыва» системы экономико-политической взаимозависимости возникают одновременно по нескольким определяющим направлениям, что делает ее поддержание исключительно ресурсоемким процессом в политическом и экономическом плане. Следовательно, попытка пролонгировать состояние предхаоса будет означать дальнейшее ослабление сдерживающего потенциала системы взаимозависимости, усугубление неустойчивости в мировой политике и, как следствие, дестабилизацию экономических процессов, дальнейшее их перенесение в краткосрочный коридор принятия решений. Проблема в том, что состояние предхаоса становится все менее и менее управляемым.

Как результат, сознательное и до известной степени управляемое сохранение в современных геополитических условиях состояния предхаоса мировой экономики делает ее трансформации зависимыми от краткосрочных колебаний экономической конъюнктуры и даже от случайного сочетания политических интересов, далеких от среднесрочных экономических интересов.

* * *

Центральным вопросом в развитии современной системы международных отношений становится вопрос о суверенитете и способности того или иного государства обеспечивать его в различных средах. *Поддержание состояния предхаоса — это инструмент сохранения несuverенного характера глобальных политических и экономических отношений* с опорой на системы, в которых реализация суверенности в принципе невозможна (например, мировые финансы или обслуживающее их ин-

формационное общество). Сохранение описанного состояния будет оставаться приемлемым для США на среднесрочную перспективу [11], поскольку дает возможность предотвратить суверенизацию партнеров на фоне внутреннего кризиса в США.

Приходится констатировать, что *без кризиса всей системы мировой экономики и обрушения основных социополитических систем (причем кризиса, носящего глубокий взрывной характер) преодоление нынешнего состояния предхаоса на данном этапе выглядит маловероятным*. Кризис, связанный с пандемией, создает определенные социальные и геоэкономические условия для подобного взрывного развития ситуации [12], но не является геополитически и идеологически достаточным.

Важным становится вопрос о темпе трансформаций, о тех временных рамках, в которые могут уложиться соответствующие изменения секторального и пространственного характера. Последние более важны, поскольку делают изменения визуализированными и обеспечивают их укоренение в широких социально вовлеченных слоях общества различных стран. С учетом эффекта искусственно пролонгируемого предхаоса будут нарастать асимметрии в различных аспектах формирования нового миропорядка *с опережающим значением политической составляющей*⁶, когда принципиальным станет готовность России к обеспечению не только формального, но и операционного суверенитета.

Россия, как и большинство стран с относительно развитыми экономическими системами, вряд ли будет инициатором выхода из состояния предхаоса. С геоэкономической точки зрения это вряд ли целесообразно, равно как и с политической. Это превратит Россию в объект широкого коалиционного давления, в том числе в рамках сценария «теплой войны», не даст возможности использовать вероятный позитивный политический эффект разрушения нынешней системы геоэкономической взаимозависимости, трансформирующейся в систему геоэкономического сдерживания. Более продуктивным будет использование активности контрсистемных сил (от Турции до контрсистем-

References

1. Rajan R. How to Save Global Capitalism From Itself. Decentralizing decision-making can help left-behind regions get back on track. *Foreign Policy*, 2020, April, 3, available at: <https://foreignpolicy.com/2020/04/03/save-global-capitalism-localism-deglobalization/>
2. Liddl G.B. *Strategiya nepryamykh deistvii* [Strategy: the Indirect Approach]. Moscow, Astrel', 2012, 508 p.
3. Il'nitskii A.I. Gibridnye voyny: vyzovy, ugrozy, uязvimosti. U Rossii malo vremeni, chtoby sformirovat' sobstvennyi obraz budushchego [Hybrid Wars: Challenges, Threats, and Sensitivities: Russia has Little Time to Develop an Indigenous Vision of Future]. *Natsional'naya oborona*, 2020, no 10, available at: <https://oborona.ru/includes/periodics/geopolitics/2019/0624/114126921/detail.shtml>.
4. Nye J. *Soft Power. The Means to Success in World Politics*. N.Y., Public Affairs, 2004, 192 p.
5. Sergei Pereslegin: *Pandemiya koronavirusa — eto masshtabnyi eksperiment po zombirovaniyu* [The Coronavirus Pandemia is it a Massive Zombying Experiment]. *Biznes-online*, available at: <https://www.business-gazeta.ru/article/463926>.
6. Takman B. *Av gustovskie pushki* [Guns of August]. Moscow, Astrel', 2012, 576 p.
7. Shelling T. *Strategiya konflikta* [The Strategy of Conflict]. Moscow, IRISN, Sotsium, 2014, 367 p.

ных сетевых структур) для распространения российского суверенитета на важные с точки зрения будущего постглобального развития пространства. Принципиально важной в имеющихся условиях становится консолидация внутреннего экономического пространства и ликвидация внутренних уязвимостей, разрывов экономического суверенитета внутри самой России. **ES**

ПЭС 20120 / 29.12.2020

Примечания

1. Не исключено, что сценарий будет напоминать ситуацию перед Первой мировой войной, когда конфронтация перешла в войну из-за превышения «допустимого предела» манипуляций, вероятно, в силу эксцесса исполнителей в ходе «Сараевского убийства» и последующей политической игры различных национальных и транснациональных кланов [6].

2. Миросистемность есть методология оценки системы в ее взаимосвязи и историчности, а также с учетом того, что внутренние «связи» системы играют не меньшую роль, чем «компоненты», определяя особенности развития «системы», которая при разрушении внутренних связей просто распадется [8, с. 85].

3. В особенности это касается компактного по времени внедрения «пучков» (или, используя современную терминологию, «кластеров») технологий, что является признаком начала новой «длинной» экономической волны [9, с. 191].

4. Действия Турции по формированию собственной сферы влияния в 2019–2020 гг. не выходят за рамки модели предхаоса. Но ситуация после осенней 2020 г. войны в Нагорном Карабахе может подтолкнуть Анкару к выходу за эти рамки: возможен переход к развитию на национализированной технологической базе, в том числе в энергетике и ВПК.

5. Характерно, что в своей программной статье тогда еще кандидат на пост президента США Джо Байден [10] крайне невнятно высказывался о масштабах «экологизации» и мировой, и американской экономики, хотя и обозначал готовность пойти на компромисс с европейскими союзниками по поводу Парижского соглашения по климату. Очевидно, что этот вопрос остается предметом торга в американской элите, хотя преимущество сейчас явно на стороне радикал-экологистов, что добавляет неопределенности в процесс принятия важнейших экономических решений.

6. Ценностная (условно идеологическая) составляющая миропорядка будет формироваться с определенным запозданием, поскольку формирование ценностной системы требует существенно большего времени, особенно для операционализации ценностей [13, с. 222–223]. Это может создать дополнительные риски использования уже сформированных политических и эко-

номических конструкций радикально ценностно-сориентированными слоями и социальными системами.

Источники

1. Rajan R. How to Save Global Capitalism From Itself. Decentralizing decision-making can help left-behind regions get back on track [Электронный ресурс] // Foreign Policy. April 3, 2020. URL: <https://foreignpolicy.com/2020/04/03/save-global-capitalism-localism-deglobalization/>

2. Лиддл Г.Б. Стратегия не прямых действий / Пер. с англ. М.: Астрель, 2012. 508 с.

3. Ильницкий А.И. Гибридные войны: вызовы, угрозы, уязвимости. У России мало времени, чтобы сформировать собственный образ будущего [Электронный ресурс] // Национальная оборона. 2020. № 10. URL: <https://oborona.ru/includes/periodics/geopolitics/2019/0624/114126921/detail.shtml>.

4. Nye J. Soft Power. The Means to Success in World Politics. N.Y.: Public Affairs, 2004, 192 p.

5. Сергей Переслегин: Пандемия коронавируса — это масштабный эксперимент по зомбированию [Электронный ресурс] // Бизнес-он-лайн. URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/463926>.

6. Такман Б. Августовские пушки / Пер. с англ. М.: Астрель, 2012. 576 с.

7. Шеллинг Т. Стратегия конфликта / Пер. с англ. 2-е изд., испр. М.: ИРИСЭН, Социум, 2014. 367 с.

8. Валлерстайн И. Миросистемный анализ. Введение / Пер. с англ. 2-е изд., испр. М.: УРСС, Ленанд, 2018. С. 85.

9. Меншиков С.М., Клименко Л.А. Длинные волны в экономике. Когда общество меняет кожу. Изд. стереотип. М.: Ленанд, 2016. С. 191.

10. Biden J. Why America Must Lead Again. Rescuing U.S. Foreign Policy After Trump [Электронный ресурс] // Foreign Affairs. 2020, March/April. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2020-01-23/why-america-must-lead-again>.

11. Vindman A. The United States Must Marshal the “Free World”. Together, Democracies Can Counter the Authoritarian Threat [Электронный ресурс] // Foreign Affairs. December 7, 2020. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2020-12-07/united-states-must-marshal-free-world>.

12. Ageev A.I., Loginov E.L. Coronavirus superstrategy: мировая проекция финансовой модели catastrophe just-in-time для выхода из кризиса на новую геоэкономическую нормальность // Экономические стратегии. 2020. № 4. С. 6–19. DOI: 10.33917/es-4.170.2020.6-19.

13. Цыганков П.А. Политическая динамика современного мира: теория и практика. М.: Изд-во Московского университета, 2014. 576 с.

8. Vallerstain I. *Mirosistemnyi analiz. Vvedenie* [World-Systems Analysis]. Moscow, URSS, Lenand, 2018, p. 85.

9. Menshikov S.M., Klimentko L.A. *Dlinnye volny v ekonomike. Kogda obshchestvo menyaet kozhu* [Long Waves in the Economy. When the Society Changes its Skin]. Moscow, Lenand, 2016, p. 191.

10. Biden J. *Why America Must Lead Again. Rescuing U.S. Foreign Policy After Trump*. Foreign Affairs, 2020, March/April, available at: <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2020-01-23/why-america-must-lead-again>.

11. Vindman A. *The United States Must Marshal the “Free World”*. Together, Democracies Can Counter the Authoritarian Threat. Foreign Affairs, 2020, December, 7, available at: <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2020-12-07/united-states-must-marshal-free-world>.

12. Ageev A.I., Loginov E.L. Coronavirus superstrategy: mirovaya proektsiya finansovoi modeli catastrophe just-in-time dlya vykhoda iz krizisa na novuyu geoekonomicheskuyu normal'nost' [Coronavirus Superstrategy: Global Projection of the “Just-in-time Catastrophe's” Financial Model for Overcoming the Crisis and Entering into a New Geo-Economic Normality]. *Ekonomicheskie strategii*, 2020, no 4, pp. 6–19, DOI: 10.33917/es-4.170.2020.6-19.

13. Tsygankov P.A. *Politicheskaya dinamika sovremennogo mira: teoriya i praktika* [Political Dynamics of Contemporary World: Theory and Practice]. Moscow, Izd-vo Moskovskogo universiteta, 2014, 576 p.